DOI 10.24412/1026-8804-2024-2-57-82
УДК 304

Национализм: идеология модерна в эпоху постнаций

Анатолий Михайлович Кузнецов,
доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

В статье анализируется современная проблематика, связанная с концептом «национализм». Он рассматривается как вариант идеологии, возникшей в Англии, а затем принятой во Франции и в других странах. Для понимания природы национализма ключевым вопросом является трактовка дискуссионного понятия «нация», которому придавалось и придаётся принципиальное значение. Автор разделяет точку зрения Л. Гринфельд о том, что это понятие в силу закреплённого за ним интеграционного потенциала использовалось властью для разрешения кризисов. Вместе с тем в литературе необоснованно утверждается тезис об очень раннем появлении национальной идентичности, на основе которой формируются нации. Рассмотрев российскую традицию трактовки концепта «нация», автор отметил её созвучие с другим понятием — «этническая общность», что стало причиной путаницы при использовании соответствующей терминологии. С учётом значения этнических объединений в странах мирового большинства предлагается принимать во внимание их специфику (в отличие от наций), которая проявляется в том, что идею нации создавали и продвигали правящие элиты применительно к европейским реалиям. Однако этнические общности формировались ещё на догосударственной стадии развития, а некоторые из них существуют и сегодня. Неслучайно этносепаратизм часто рассматривается как одна из нетрадиционных угроз безопасности. Сегодня кризис идеи нации проявляется в том, что такие государства, как Россия и Китай, вынуждены позиционировать себя как нации, состоящие из других наций, а не как национальные государства.
Ключевые слова: идеология, национализм, нация, государство, этническая общность.

Nationalism: Ideology of Modernity in the Postnational Epoch.
Anatoly Kuznetsov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru.

The paper analyzes contemporary issues related to the concept of “nationalism”. This concept is considered as a variant of the ideology that originated in England and then was adopted in France and other

countries. To understand the nature of nationalism, the key issue is the interpretation of the controversial concept of “nation”, which has been and is still of fundamental importance. The author shares L. Greenfeld's point of view that this concept, due to its integration potential, was used to resolve crises by the authorities. At the same time, the literature unreasonably asserts the very early appearance of national identity on the basis of which nations are formed. Having considered the Russian tradition of interpreting the concept of “nation”, the author noted its consonance with another concept — “ethnic community”, which caused confusion when using the appropriate terminology. Considering the importance of ethnic associations in the countries of the world majority, it is proposed to take into account their specifics (unlike nations), which is manifested in the fact that the idea of the nation was created and promoted by the ruling elites in relation to European realities. However, ethnic communities were formed at the pre-state stage of development, and some of them still exist today. No wonder that ethnic separatism is often considered as one of the nontraditional security threats. Today, the crisis of the idea of the nation is manifested in the fact that such states as Russia and China are forced to position themselves as nations consisting of other nations rather than as nation-states.
Key words: ideology, nationalism, nation, state, ethnic community.

Идея (в оригинале теория) становится материальной силой, когда она овладевает массами.

Карл Маркс

…тот, кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы.

В.И. Ленин

Национализм — это образ мысли.

Ганс Кон

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

Общая неопределённость в мире, сложившаяся после окончания холодной войны, обусловила распространение фантома глобализации, деклараций не только о «конце истории», угрозе «столкновения цивилизаций», но и о «конце больших идеологий» (Д. Белл). Как утверждал британский автор А. Причард,

идеологии, которые не *описывают* этот мир, но заставляют нас *относиться* к нему определённым образом, были переопределены в 1990-е гг. как *«теории»* [44, p. 147]. По мере того как стала проясняться некоторая картина складывающегося мирового ландшафта, иногда описываемая слоганом «Противостояние демократий и автократий», стало понятно, что с идеологиями рано расставаться [31; 33; 46]. Как констатирует Т.А. Алексеева, «…мы вступаем в новый *идеологизированный мир* с другими правилами, логикой и метафорами, не столько сохраняющими привычное, сколько подменяющими и зачастую *имитирующими* (здесь и далее курсив мой. — *А.К.*) его» [2, с. 294]. Свою позицию автор основывает на представлении идеологии как «„системы идей“; они принадлежат *символической сфере мышления*. Отражая неизбежный конфликт между *должным* и *сущим*, они ищут своё основание не в *обществе*, не в социальных отношениях, а в *трансцендентной* по отношению к обществу *духовной сфере*» [2, с. 295]. Поэтому Т.А. Алексеева разделяет точку зрения Д. Пламенантца, полагавшего, что «…идеология — это довольно широкая и не полностью кодифицированная система ценностей, или иначе — „склад ума“ (американская традиция), „мировоззрение“ (немецкая традиция), нечто весьма близкое к менталитету (французская традиция), то есть своего рода „салат“ из отчасти унаследованных, отчасти благоприобретённых *утверждений*, которые почти не поддаются *осмыслению*…» [2, с. 296]. Автор уточняет, что идеология «…опирается на *стереотипы сознания*, воспринимаемые как *бесспорные истины*, не терпящие ни обсуждения, ни проверки фактами действительности» [2, с. 297].

При всей своей специфичности, как считает Т.А. Алексеева, идеология выполняет важные функции, внедряя в массовое сознание определённые установки, в числе которых следующие:

- «идея „особой“ миссии данной страны (носитель либерализма и подлинной демократии, „историческая миссия“ в разной редакции, богоизбранность и мессианизм и т.д.);
- идея принадлежности к подлинной „цивилизации“ и необходимость трансляции её основных идей и принципов на другие государства и регионы мира; „западоцентризм“, но не только…;
- испуг перед будущим — не только отсутствие ясного представления о завтрашнем дне, но акцент на разнообразных „угрозах“, последствия которых трудно предсказуемы (начиная с ковида и других пандемических заболеваний,

заканчивая негативными последствиями цифровизации и искусственного интеллекта)» [2, с. 303—304].

По мнению Т.А. Алексеевой, сегодня «существенно важнее сам взгляд на идеологии как *мировоззрение постнеклассической эпохи* с их экзистенциальным внутренним *противоречием*: с одной стороны, признанием подвижности, нелинейности, размытости идей; и, с другой, с неустанным стремлением к фиксации, незыблемости, догматичности и квазирелигиозности отдельных фрагментов и положений» [2, с. 301].

На общем фоне «больших» идеологий (либерализма, консерватизма, социализма и др.), изначально предполагающих *разделение* населения по конфессиям, «партиям» или «классам», выделяется национализм, который был призван решать другие задачи. Считается, что этот противоречивый феномен появился в Европой XVIII в.; в XIX в. здесь уже начался «век национализма», в середине XX в. произошло его продвижение в Азию и Африку, а затем национализм вполне успешно прошёл и в XXI в. Согласно соответствующей литературе, национализм остаётся одним из самых дискуссионных и сложных объектов исследований [16; 20; 24; 26; 31]. При этом появляются «практические» публикации, авторы которых не дают даже его определений, по-видимому полагая, что в отношении национализма, ксенофобии и т.д. всё и так ясно [40].

По мнению немецкого учёного Г. Кона, высказанного в 1940-е гг., данный феномен следует рассматривать как «*…акт сознания* преобладающего большинства какого-либо народа, убеждённого, что высшей ценностью *личности* должно быть *национальное государство*», которое признаётся «в качестве идеальной формы организации *народа*, источника всей творческой культуры, энергии и экономического благосостояния» [15, с. 41]. Однако автор отметил и другую сторону своего предмета исследования: «Рост национализма — это процесс интеграции *народных масс* в *общую политическую форму*… Такая форма была создана *абсолютными монархами*, которые и задали *динамику* развития современного национализма» [15, с. 28]. Г. Кон тогда же отметил различия в проявлении национализма на Западе (гражданский) и на Востоке (этнический) [15, с. 50—51].

Некоторое время спустя свои уточнения относительно понимания данного явления предложил Э. Геллнер: «…национализм — это, прежде всего *политический принцип*, суть

которого состоит в том, что *политические* и *национальные* единицы должны совпадать, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к *одной нации*» [10, с. 5, 23]. На основе этого принципа, как полагал автор, должно сформироваться *националистическое чувство* как «…чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением». Но он также отдал должное и *националистическому движению* — «…это движение, вдохновлённое *чувством* подобного рода» [10, с. 23]. Э. Геллнер понимает, что «не все общества оформлены государственно. Из этого со всей очевидностью следует, что в таких *безгосударственных* обществах *проблема национализма* не возникает» [10, с. 29].

Против такой «амбивалентности» в понимании рассматриваемого явления выступил пропагандист *методологического индивидуализма* американец Р. Брубейкер, разоблачая мифы и заблуждения в изучении национализма [6; 7]. К их числу он отнёс «реализм группы». «Основываясь на „групповой“ социальной онтологии, этот подход считает *нации* и *этнические группы реальными сущностями*, действительными, длящимися во времени *коллективами* с чётко очерченными *границами*». Сам автор уверен: «Я же, напротив, полагаю, что различие между этнической и гражданской национальностью или, иначе говоря, различие между этнической и гражданской концепцией национализма проблематично как в нормативном, так и в аналитическом плане» [7, с. 65]. Он твёрдо убеждён: «Я исхожу из того, что принадлежность к нации — это не этнодемографический или этнокультурный факт, а *политическое заявление*, которое требует от людей верности, внимания, взаимной солидарности» [6, с. 113, 7]. Показательно, что оппонентов, утверждающих, что *нация* существует как *реальная общность*, а *индивиды* являются её представителями, та же М. Канован называла «романтических коллективистов», так как национализм — это политика [38, p. 5, 103]. Так, основная «заслуга» Р. Брубейкера заключается в том, что на основе *методологического индивидуализма* он и его сторонники, в отличие от Г. Кона и Э. Геллнера, разрывают *связь* между национализмом как идеологией (система идей, чувств) и определёнными группами, движениями и народными массами в целом. В данном вопросе альфой и омегой для них выступает *реальный индивид* как создатель и носитель идей.

Показательно, что после включения государств Центральной и Восточной Европы в Евросоюз и НАТО начались разговоры об открытии «неонационализма» [27; 36; 37, p. 1]. По-прежнему особенным является освещение западными авторами китайского национализма, т.е. *восточного* и заведомо неправильного. Так, К. Хьюджес связал *новый национализм* Китая, проявившийся с 1990-х гг., с политикой государства и принятой элитой страны трактовкой *политики* в ограниченном значении, как *деятельности* по её формированию [40, p. 7]. По этой причине он интерпретировал происходящие антияпонские выступления как *организованные* проявления национализма [40, p. 151]. По-видимому руководствуясь подобной логикой, П. Грайс увидел национализм и в протестах против американской бомбардировки китайского посольства в Белграде в 1999 г. («кровавый долг») [39, p. 99]. Очевидно, что с изучением национализма здесь сохраняются свои проблемы. Как представляется, всю сложную противоречивость в понимании данного феномена наглядно выразил замечательный американский антрополог К. Гирц: «У меня нет простого или сложного ответа на этот вопрос. Но есть сомнения, которые возникают, когда видишь столь организующие концепты, как „страна“, „народ“, „общество“ и, конечно, „государство“, все они, похоже, утопают в концепте „национализм“ как будто бы это какая-то чёрная дыра» [цит. по: 30, с. 3].

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛИЗМА ЛИИ ГРИНФЕЛЬД

Западную позицию, представленную Р. Брубейкером, отстаивает и другая *заокеанская* «специалистка» Л. Гринфельд, которая изучала зарождение национализма в Англии, Франции, Германии, России и США. Солидаризируясь с концепцией М. Вебера, она выступила против близкого к «группизму» направления социологии: «Я являюсь сторонницей *методологического индивидуализма* и потому *отрицания овеществления* структур или идей. Поэтому эта точка зрения равно противостоит и догматическому *социологическому структурализму*, и *идеализму*, которые одинаковы в своём стремлении *овеществлять* понятия» [11, с. 23]. Впрочем, у этого автора национализм получил неоднозначное определение: «Слово „национализм“ используется здесь в качестве термина,

охватывающего относящиеся к нему понятия *национальной идентичности* (или национальности) и *национального сознания*. Кроме того, с этим термином *ассоциируются* общности, основанные на этих понятиях — то есть нации». Свою позицию Л. Гринфельд затем конкретизировала следующим образом: «Тот факт, что идентичность стала *национальной*, объясняется прежде всего тем, что в то время в наличии имелся определённый *тип идей*» [11, с. 21]. Следовательно, другие причины ею в расчёт не принимаются.

Не случайно Л. Гринфельд утверждает: «*Изредка* национализмом называют чётко сформулированную *идеологию*… Когда же его не используют для обозначения этой *идеологии*, то, если это специально не оговорено, национализм чаще всего соответствует *политически активным ксенофобным* формам национального *патриотизма*» [11, с. 8]. Видимо, эта в прошлом уроженка Владивостока успела воспринять некоторые наши коннотации, связанные с рассматриваемым понятием. В то же время она убеждена в том, что «единственным *основанием национализма* как такового, единственным условием, без которого национализм не может возникнуть, является наличие *идеи*; *национализм есть определённое видение мира* или *стиль мышления*. Идея, являющаяся *главной* для национализма, есть *идея* „нации“» [11, с. 9]. Так она приходит к выводу, что «национализм — это *политическая идеология* или класс идеологий, развивающихся на основе одного, *базового принципа*. Эту идеологию нет необходимости *соотносить* с какой-либо *отдельной общностью*» [11, с. 12]. Поэтому Л. Гринфельд постаралась убедить и нас в том, что «…*национализм* определяет *современность*, а не определяется ею» [11, с. 22]. При этом автор допускает *амбивалентности* в своих интерпретациях: «Каждый *общественный строй*, то есть *всеобъемлющая структура* общества, представляет собой *материализацию* или *объективизацию* своего *образа*, присутствующего *в умах* у всех лиц, причастных данному общественному строю. Он существует *в умах людей* в той же степени, сколь и в *объективной реальности*». Может показаться, что мне здесь нечего оспаривать, так же как и в другом случае: «И если его (этого образа. — *А.К.*) воздействие на *умы* достаточного большинства людей ослабевает или ослабевает его воздействие на *умы* меньшинства, обладающего достаточной властью, чтобы распространить это воздействие на других, то подобный общественный строй нельзя сохранить, и он должен исчезнуть также и из *объективной*

реальности». Но в соответствии с продвигаемыми установками она тут же декларирует: «*Символический* по своей сути характер *общественной реальности* связан с глубинным *биологическим строением человека* как вида» [11, с. 22]. Так вот какую «реальность» признавала эта автор!

Очевидно, Л. Гринфельд посчитала, что нашла необходимую поддержку в пользу своей позиции не в социологии, а в *антропологическом подходе*: «…для интерпретации любого *общественного феномена* необходимо принимать в расчёт *понятия* и *идеи*, существующие в *умах людей*. Другими словами, поскольку так уж получилось, что люди (если говорить о человеческом роде вообще) являются существами разумными и их *разум* непосредственно связан с их поступками, то необходимо этот *разум* принимать во внимание и искать в нем *объяснение* их действиям» [11, с. 23]. По её мнению, «социальное действие обусловлено, главным образом, *мотивациями* участников этого действия. Мотивации создаются их *убеждениями* и *ценностями* и в то же время рамками *структуры*, в которой находятся участники действия… Именно из этого следует, что стрелка причинно-следственной связи может показывать оба направления. Более того, одно и то же явление в одной фазе своего развития может быть результатом, а в другой — причиной социального процесса» [11, с. 24]. Пойти на такие заявления, по-видимому, Л. Гринфельд подвигла уверенность в том, что она знает способ устранить нападки оппонентов: «Ни структурализм, ни идеализм не признают важности *человеческого фактора*, в котором объединяются и *культура*, и *структура*, и где каждая из них ежедневно *изменяется* и *творится* вновь. Только *человек* двигает и формирует их, разрешая им при подходящих условиях, *оказывать на него свое влияние*. Как идеи, так и социальные структуры обретают действенную реальность только в *человеке*. *Люди*… суть единственно активные *элементы общества*. Никакие рамки *структуры*, никакие *идеи* не в силах породить другие структурные рамки или другие идеи. Всё, что они могут, — это создать различные *умонастроения* в пределах своей сферы влияния» [11, с. 24].

С учётом ранее сделанных признаний нужно уточнить: этот человеческий фактор, её человек и люди — всё это для Л. Гринфельд синонимы понятия *индивид*, его *свойства* и внутренняя («биологическая») жизнь. Фокусировка на данном понятии понадобилась Л. Гринфельд, в частности, чтобы разрешить

дилемму *национализма* и *демократии*. В соответствии с западной установкой обладания монополией на «правильный» *гражданский*, а значит, *индивидуальный национализм* она декларирует: «*Национализм* был той формой, в которой *демократия* впервые явилась миру, спрятанная *в идее* „нация“, как бабочка в коконе. Изначально *национализм развивался* как *демократия*: там, где сохранялись условия для такового развития, эти два понятия стали *тождественны*». По её мнению, проблема здесь состоит в том, что «…с *распространением национализма* в различных странах и в связи с тем, что главный упор в национальной идее стал делаться на *исключительность народа*, а не на *верховность его власти*, *изначальное* тождество национальных и демократических принципов было *утеряно*» [11, с. 14]. В результате автор делает следующий вывод: «Эти две различные интерпретации верховной власти народа и лежат в основе двух типов национализма, один из которых можно определить как индивидуалистический — либертарианский (обладающий свободой воли), а второй — как коллективистский (авторитарный) [11, с. 15]. Причину происходящего «перерождения» она объяснила так: «В первом случае эти идеи *изобрели*, во всех остальных случаях — *импортировали*» [11, с. 21]. При таком подходе всякие «непонятки» с неонационализмами, казалось бы, устраняются, но, может быть, и в последнем случае идею не просто «отзеркалили», а переосмыслили?

Поскольку речь зашла о принципиальном для этой специалистки сюжете, она решила подробнее изложить свою позицию: «…в первом случае… некоторые отдельные *личности* из народа осуществляли эту верховную власть. В идее „нация“, предполагающей *верховную власть народа*, этот опыт признавался и осмысливался. Национальный принцип, который развивался на этой почве, был *индивидуалистическим* — в существующей верховной *власти отдельных личностей подразумевалась* верховная власть *народа*. Именно потому, что эти отдельные личности (из народа) осуществляли эту власть на деле, они и были *представителями нации*» [11, с. 15]. А вот в другом варианте: «*Теоретическая суверенная власть народа*, во втором случае по контрасту, исходила из *исключительности*, особенности этого народа, собственно из его существования в качестве *отдельного народа*, потому что *нация* обозначала именно это, а нация была суверенной. *Национальный принцип* был *коллективистским*; он отражал *коллективное*

существование. *Коллективистские идеологии*, по существу, *авторитарны*, ибо, если рассматривать общество как единое *целое*, то оно может принять образ *коллективной личности*, обладающей единой волей, и тогда кто-то должен эту волю толковать» [11, с. 15]. Да, что и говорить, двусмысленная получилась аргументация в контексте заявлений президентов и других представителей политического класса США об *американской исключительности*!

Как тонкий знаток «струн человечьей души», Л. Гринфельд далее рассуждает о нелёгкой судьбе идей, импортированных в *неправильные условия*, в контексте ещё одной популярной темы: «В восприятии *подражателя образец* был *лучше подражания* — это подразумевается в самом понятии образца, — то *связь* между *образцом* и *подражанием* скорее подчёркивала *несовершенство подражателя*, и реакция на источник заимствования обычно принимала форму *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды)». Стоит ли тогда удивляться такому суждению: «Овеществление *нации* в рамках *коллективистского национализма* увеличивает её восприимчивость к ressentiment. Ressentiment делает нацию не только более *агрессивной*, но и представляет необыкновенно мощный стимулятор национального чувства и коллективного действия». Всё же Л. Гринфельд вынуждена признать неоднозначность ситуации: «Этот стимулятор облегчает *мобилизацию коллективистских наций* в случае захватнических войн. *Нацию индивидуалистическую* мобилизовать труднее — в ней национальная преданность обычно основана на *трезвом* (рациональном, разумном) *расчёте*» [11, с. 462—463].

В заключении Л. Гринфельд, похоже, решила довести до логического завершения свой антропологизированный подход и показать скрытые стороны человеческой натуры. «Возможно, сильно сказано, но без преувеличения, что мир, в котором мы сейчас живём, был порождён *тщеславием*». К такому выводу она пришла, обнаружив, что «…во всех пяти случаях, рассматриваемых в этой книге, *возникновение национализма* связано с озабоченностью *статусом*. Английская аристократия хотела его подтверждения, французская и русская хотели его защитить, а немецкая — заполучить. Даже у материалистов-американцев налоги без представительства в парламенте более оскорбляли их гордость, чем наносили ущерб их экономическим интересам. Они сражались — и стали нацией — за *уважение к себе*, больше, чем за что-либо

другое» [11, с. 462]. Чем не исчерпывающее объяснение причин возникновения национализма — все они заложены в *природе* индивида и всякие социальные и прочие «структуры» не играют тут особой роли.

Таким образом, Л. Гринфельд, основываясь на достаточно обширной эмпирической базе, смогла показать противоречивую неоднозначность трактовок национализма в разных странах. Несмотря на некоторые возникавшие нестыковки, она поддержала сведение этого феномена к «чистой идее», производной от понятия *нация*, которое не «овеществляется» в реальности. Автор также связала *нацию* с другим концептом: «Если же говорить о комплексе явлений, связанных с национализмом, то формированию наций *предшествовало* наличие *национальной идентичности*» [11, с. 25]. Не менее примечательно выглядит её *логическая эквилибристика*, призванная подтвердить *сочетаемость* националистических идей с демократией, что, по-видимому, стало причиной расхождения её взглядов с взглядами Р. Брубейкера, отрицавшего принципиальную двойственность национализма. В целом же следует признать, что *противоречивая логика* её рассуждений во имя отстаивания демократии и «достоинства» индивидов часто оказывается «шитой белыми нитками». В свете представленных материалов снова становится очевидным, что истоки вдохновения западных специалистов перекликаются с не менее спорной акторно-сетевой теорией Б. Латура.

Связанный с этим феноменом круг проблем не исчерпывается попытками дать ему внятное определение. Со временем стали возникать вопросы не только о соотношении национализма с демократией, но и с глобализацией, патриотизмом, идентичностью и т.д. Вместо ответов на такие вопросы часто можно наблюдать подмену указанных понятий: «Любовь к нации — национальный *патриотизм* или *национализм* — в этом контексте означает, прежде всего, принципиальный *индивидуализм*, обязательство отстаивать свои собственные права личности и права личности других людей» [11, с. 32—33]. По этой причине, как уже признали и другие авторы, нет смысла рассматривать феномен национализма как явление sui generis, а необходимо переосмыслить условия и причины его возникновения [41]. В качестве первого шага к решению поставленной задачи целесообразно более внимательно изучить его соотношение с концептами *народ* и *нация*.

НАЦИЯ КАК ПРОДУКТ НАЦИОНАЛИЗМА?!

Обратившись к литературе, посвящённой обсуждению нации, приходится констатировать ту же ситуацию, что характеризует изученность национализма: от плюрализма противоречивых мнений до заявления о невозможности дать научное определение этому понятию [21; 24; 26]. Британский историк Б. Андерсон на материалах Южной Америки и Юго-Восточной Азии объявил нации *воображаемыми* (конструируемыми) *обществами* [35]. Известный неомарксист И. Валлерстайн тоже оказался близок к конструктивистам: «Существование наций — это *миф* в том смысле, что все нации являются *социальными образованиями*, и основная роль в их создании принадлежит *государствам*. Чтобы *создать* нацию надо восстановить её *историю* и долгую хронологию (многое при этом приходится придумывать), а также определиться с набором характеристик, даже если далеко не всем в группе эти характеристики подходят…» [9, с. 139—140]. По-видимому, он посчитал, что подобный подход хорошо согласуется с идеей классовой борьбы [8]. Соавтор И. Валлерстайна Э. Балибар, принимая классовую логику, признавал также значение *идентичности* для нации, поэтому призвал отказаться от противопоставления «реального» и «воображаемого» обществ: «Всякая *социальная общность*, воспроизводимая под воздействием *институтов*, является воображаемой»; её основа — «проекция *индивидуального существования* на ткань *коллективного повествования*, на узнавание общего имени и на традиции, переживаемые как след незапамятного прошлого». В результате этот автор пришел к выводу, что «…только *воображаемые сообщества*, в зависимости от обстоятельств, являются *реальными*» [3, с. 111].

Массовая транснациональная миграция также ломает представления о нации как некоей *реальной* общности: «Мы, европейцы, делаем вид, будто всё ещё существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т.д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделённые друг от друга границами государства стали ирреальными, самое позднее с введением евро» [4, с. 7]. Не случайно британский специалист Дж. Урри решил, что не общество, а мобильности, в том числе интеллектуальные, должны стать предметом новой реинституционализированной социологии [47, p. 210]. В условиях подобной

неопределённости стали появляться и такие «неправильные» заявления: «…национальность… проистекает из того, что источником *личной идентичности* в рамках национализма является *народ*. Народ рассматривается как *носитель верховной власти*, как главный объект преданности и основа *коллективной солидарности*. Народ — есть *масса населения*» [11, с. 8].

Подобная апелляция к «народу» не является случайной. После буржуазных революций в Европе начала модерна остро встал вопрос об основаниях *легитимации* верховной власти [26; 28]. Прежнее, *сакральное* обоснование власти *монарха* как *божьего дара* было отвергнуто, а значит, нужно было срочно искать ему замену. В результате появилась формула: «Единственным *источником власти*, то есть единственным *сувереном*, выступает „народ“ или „нация“». Однако, как отметил В.С. Малахов, „…народа“ как *эмпирически фиксируемого целого не существует*. *Он* есть прежде всего *формальная инстанция суверенности*, или, пользуясь словами Лефорта, „символический диспозитив“ *власти нового типа*… Нация, народ есть тот, кто *учреждает*, и тот, *кого учреждают*. Это значит также, что *народ есть и субъект власти*, и *её объект*, и тот, кто *наделяет властью*, и тот, кто должен будет *её предписания исполнять*» [22, с. 21]. Проще говоря, у слова *народ* есть ещё нежелательная коннотация — *часть общества*, которая не относится к *элите*, в то время как у *нации* уже нет такого недостатка. Поэтому если сначала понятия *народ* и *нация* использовались как синонимы, то со временем *последнее* получило большее признание.

Считается, что с рассматриваемыми проблемами раньше всего пришлось столкнуться английским интеллектуалам и власть предержащим XVI в. после Войны Алой и Белой розы и возрастания роли джентри — среднего и мелкопоместного сельского дворянства. Как отметила Л. Гринфельд, «изобретателями *национализма* были представители *новой английской аристократии*. *Простолюдины* по происхождению, они сочли, что традиционный образ общества, в котором продвижение наверх было очень большой редкостью, им не подходит, и *заменили* его. Идея, которая пришла на смену традиционной идее общества, состояла в том, что *народ* (люди) становился однородной *элитой — нацией*…» [11, с. 461]. Так впервые «…слово „нация“ в его „соборном“ значении „элита“ было применено в отношении *населения страны* и стало синонимично слову „народ“. Эта *семантическая трансформация* означала возникновение первой в мире *нации*, *нации в современном смысле*

этого слова — и возвестила начало *эры национализма*» [11, с. 11]. Следовательно, было решено, что это заимствованное из благородной латыни слово *символически* снимало разделение страны на дворянство и простолюдинов, что «позволило переистолковать значение дореволюционного конфликта между двором и страной…» [11, с. 36]. Кроме того, немаловажное значение в *осознании* населения Англии как единой общности сыграла сделанная властью ставка на *противостояние католицизму* и власти римского папы под лозунгом «Битва между старым новым». «Старое (предки) было иностранным, не имевшим связи с Англией, а имевшим отношение к Италии, Франции и Испании. Эти три континентальные страны стали главными культурными соперниками Англии» [11, с. 83]. О накале страстей в проходящих дискуссиях и «весомости» аргументов, которые приводили сторонники независимости англиканской церкви, можно судить по следующему примеру. «В 1559 г. будущий епископ Лондонский Джон Эйлмер подхватил, как знамя, поразительное заявление епископа Латимера, что **у Бога есть национальность… „Господь — англичанин“**, и призвал своих соотечественников благодарить Его по семь раз на дню за то, что Он создал их англичанами, а не итальянцами, французами или немцами» [11, с. 61].

Подобные декларации при открытом противостоянии власти римских пап в католической Европе действительно позволяли воспринимать извне англичан как особую *конфессиональную общность*. В силу уже заявлявшего о себе «островного сознания» претензия на столь особое отношение с Творцом укрепляла уверенность и элит, и населения в *английской исключительности* и своём единстве. Но подобные заявления *не отменяли* сословные различия и противоречия, которые сохранялись в английском социуме. Признавая безусловное значение *идеи нации* и соответствующей ей идентичности для Англии XVI в., Л. Гринфельд утверждает: «Национальность *возвышала* каждого члена общности, которую эта национальность наделила суверенностью (верховной властью). *Национальная идентичность*, в сущности, является вопросом о *личном достоинстве*. Она даёт людям основания для гордости» [11, с. 461]. В связи с этим она пишет: «В Англии именно *сумма личных достоинств индивидуумов*, составляющих общность, дала *достоинство коллективному образованию*, имевшему все основания называться нацией» [11, с. 165]. Но при декларировании присущего англичанам *единства* картину портит другой её вывод:

«Кроме того, *национальную идентичность* принимали потому, что она была способна *разрешить кризис*. Различиями в природе кризисов (все отдельные национализмы обязаны своим рождением именно кризисам) можно объяснить некоторые различия в природе соответствующих национализмов» [11, с. 21]. Развивая свою мысль, автор вообще пришла к парадоксальному выводу: «Поскольку и термин „народ“, в его новом благородном значении, и термин „нация“ относились больше к *абстракции*, чем к *эмпирической реальности*, то *восхвалять народ* вовсе не обязательно подразумевало верить, что те, кто в него входит, обладают *одинаковым достоинством*: т.е. что *масса и элита — равны.* Молчаливое соглашение о *фундаментальном неравенстве* масс и элиты было увековечено в том различии, которое было сделано между *народом* и *нацией*» [11, с. 166]. Что и говорить, это очень ценное признание для глашатая демократии!

Обратившись к французским данным, Л. Гринфельд также констатирует настроения, согласно которым уже *наихристианнейшие франки* — это *богом* избранный народ, во главе которого стоят *наихристианнейшие* короли. Поэтому она увидела причину долговременного конфликта с Англией в убеждённости французов в противостоянии их *истинной веры* против тамошней *тьмы*. Стоит ли удивляться, что в подобной атмосфере в XIX в. сформировался и расизм (Ж.А. Гобино). Во Франции давно использовалось и латинское слово «нация», но не в интегративном смысле, так что, как считала наш автор, «концепт „нации“ был *импортирован* из Англии, но в процессе заимствования он претерпел изменения. Из *политически нагруженной метафоры*, названия, обозначавшего объединение свободных разумных *индивидуумов*, это понятие стало осмысляться как *сверхчеловеческая коллективная личность*. Во Франции „нация“ непреклонно стремилась к *абстракции* и *обожествлению*» [11, с. 164]. В подкрепление своего мнения она сослалась на Ж.Ж. Руссо: «Статьи общественного договора сводятся к одной-единственной, именно: *полное отчуждение* каждого из членов ассоциации со всеми его правами в *пользу всей общины*…» [11, с. 170]. Подчёркивая *английский приоритет* в использовании *объединительного* смысла, заложенного *в концепт «нация»*, Л. Гринфельд убеждена в том, что «…во Франции, наоборот, *коллективное достоинство целого* восстановило *личное достоинство* тех, кто заявлял о своем *членстве* в этом коллективе» [11, с. 165]. В XIX в. ситуация в этой стране тоже очень изменилась. Не случайно современные *неоконсерваторы* здесь

«…делают ставку на формирование национальной идентичности, которая… возможна „лишь как *индивидуальное самосознание*, т.е. самого-себя-сознавание и самого-себя-ведение“, в то время как *групповой коллективизм* исключает эту самость» [14, с. 58]. Свои особенности с пониманием нации Л. Гринфельд показала на примере Германии и России. В отношении автора к нашей стране очень показательна её метафора «скифский мир — Россия». Государство мигрантов — США — вообще пришло к идее *гражданской нации*, т.е. объединения всех, кто получил соответствующее гражданство (тот же методологический индивидуализм). При этом, как показала О.С. Чекризова, «…в рамках *исламских концепций* понятие *нация* отрицается, оно заменяется понятием „умма“ — религиозная община мусульман, непривязанная к конкретной территории и не очерченная чёткими границами». Такой подход активно продвигается в частности Ираном со времён правления Хомейни [32]. Все эти «игры» вокруг термина *нация*, как мне представляется, доказывают, что основное значение монографии Л. Гринфельд сводится к следующему её утверждению: «**Нация была пустым, но „нагруженным“ понятием»** [11, с. 169]. В нашей стране по этому поводу тоже было сделано сходное заявление: «Мы включили в нашу исследовательскую повестку феномен, который просто *не существует*, и выполняем суждения о действующих в социальном пространстве лицах и силах на основе *ложного критерия* и *мифической дефиниции*» [30, с. 3].

Правомерность таких выводов подтверждается непрекращающимися заявлениями о «бунтующей этничности», «восстаниях меньшинств», межэтнических конфликтах, *этническом национализме*, чреватом *этносепаратизмом*. Для того чтобы определиться в отношении этих угроз, потребовалось создавать новую научную отрасль — *этнополитологию*. Поскольку западные и некоторые российские авторы категорически не принимают *этническую идею*, это ставит их в тупик перед проблемой того, что реально предшествует появлению наций и национализма и откуда появляется «национальная идентичность». В своё время М.О. Мнацаканян поставил вопрос о необходимости разработки *интегральной теории нации*, в рамках которой *национальная общность* будет рассматриваться как конкретная форма *этничности* [25, с. 67, 69]. Но такой подход приемлем только к небольшому числу стран с этнически однородным населением. «Отмахнулась» от этой идеи и Л. Гринфельд на том основании, что «…*этничность*

не порождает особенную идентичность. Этого не происходит потому, что из существующих этнических характеристик отбираются только *некоторые* и не всегда одни и те же в каждом случае» [11, с. 17]. Невероятная сумятица в понимании этнической проблематики! Не лучше представляет её тот же Э. Балибар: «Как производится этническая принадлежность? История показывает, что есть два основных конкурирующих между собой пути к достижению этого: язык и раса» [3, с. 115]. Для того, чтобы определиться в ситуации с этносом/этничностью, необходимо обратиться к нашим российским реалиям и примерам других государств.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ КАК РЕАЛИЯ ЭПОХИ ПОСТНАЦИЙ

На рубеже XIX—XX вв. в российской этнографии было реализовано предложение — заменить слово *народ* с его противоречивыми коннотациями нейтральным по отношению к ним заимствованием из греческого языка — *этнос*. К слову, в западной науке *этничность* признали только в 60-е гг. XX в. В 1923 г. С.М. Широкогоров уже предложил свой первый вариант теории данного явления: «…этнос — есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [34, с. 9]. С дополнением: его самого интересует «…*этнос, осознаваемый* им самим, как *группа людей, объединённых* единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни» [34, с. 92]. Другими словами, термин *этнос* в наших условиях уже выполнял эту интегративную функцию, которая на Западе была возложена на понятие *нации*. В то же время российская ситуация примечательна тем, что И.В. Сталин в 1913 г. обобщил разработки австрийских социал-демократов по *политическому* пониманию нации: это «…исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [29, с. 296] (вариант «импорта» по Л. Гринфельд). Подобное *созвучие* в трактовках этноса, точнее *этнической общности* и *нации*, является очень примечательным, фактически разные названия получало *одно образование*, т.е. согласно приведённым определениям, когда у нас говорили о *нации*, фактически речь часто

шла об *этнической общности* и наоборот. Не случайно и припоздниившийся к нам концепт *национализм* получил *негативные коннотации ксенофобского* толка, угрожающие сохранению целостности нашего *государства* с неоднородным в *этническом отношении* населением [23]. Учитывая, что для этнических общностей характерно такое явление, как *этноцентризм*, подобное переосмысление термина было неизбежно. К тому же в нашей стране были в приоритете такие собственные *консолидирующие идеологемы*, как Русская земля, Москва — третий Рим, соборность, народность, «мир» (община), Родина, советский народ, но не нация. Понадобилось некоторое время, чтобы российские авторы, анализировавшие зарубежный и свой опыт, пришли к следующему выводу: «Доктрина национализма признаёт существование *нации* как *реальной общности* со специфическими качествами, провозглашая *приоритет* этой общности перед другими интересами и ценностями; *национализм* стремится к его *политическому воплощению* в виде суверенитета» [18, с. 10]. Некоторая специфика трактовки, в отличие от западной традиции, всё равно ощущается.

При обсуждении этнической темы следует знать, что впоследствии С.М. Широкогоров под термином *этнос* предложил определять *процесс*, куда включены *этнические общности*, главным достоянием которых является особый *психоментальный комплекс*, т.е. система представлений о мире, обществе и человеке [45]. При этом связь такой общности с определённой *территорией* и некоторым количеством объединённых людей — носителей соответствующего *комплекса* — по-прежнему признавалась. Важно также понимать, что этнические общества формируются ещё в *догосударственную эпоху* на основе предшествующих им клановых (родовых) групп как *расширенное родство*. С началом процесса *политогенеза* этнические общества создают на своей основе *политии* или включаются в них.

Для понимания роли этнических общностей в современном мире стоит обратиться к африканским материалам. Несмотря на заявления об *универсальности* западной модели национального государства, которая навязывалась молодым государствам Чёрного континента, как показал Д.М. Бондаренко, здесь сохранилась роль общины как института, а также племён и вождеств [5, с. 50]. В этой связи в Африке *национальное единство* постколониального общества определялось деятелями африканского национально-освободительного движения не как наличная *социальная и культурная реальность*, а как цивилизационный *проект*, призванный поднять афри-

канские общества до уровня требований и международных норм *национального государства* [5, с. 58]. Не случайно некоторые главы африканских государств (Амилкар Кабрал, Самора Машел) заявляли: «Чтобы жила *нация*, нужно, чтобы умерло *племя*» [5, с. 59]. Не менее красноречивым является заявление Б. Дэвидсона, который назвал вынужденное построение национального государства в субсахарской Африке *бременем чёрного человека* [5, с. 62]. Если в стране происходит оспаривание государственной территориальности «обществом», присутствует *этнократия* и фактически сложилась ситуация наличия государств-в-государстве, характерная для многих из них, трудно не согласиться с такой метафорой. Значение племени на континенте подтверждают и другие авторы [41, p. 28]. Сам Д.М. Бондаренко разрешает африканские «коллизии» следующим образом: «Из предложенного нами выше понимания нации следует, что её характеристикой sine qwa non является то, что нация — это *форма осознания* самого себя гражданским обществом. То есть наличие *гражданского общества* и есть та самая характеристика *нации*» [5, с. 18]. При этом он учитывает ещё одно важное обстоятельство: «Таким образом, в постколониальных странах *строительство наций* с самого начала — с момента получения колониями независимости — было *инициировано* и направлялось *внешней* по отношению к обществу, вставшей над ним *силой*. *Государство* играло и продолжает играть в них решающую роль — …в создании национальной идентичности и культуры, которые националистическая мысль принимает за *объективные сущности*» [5, с. 72].

В зафиксированной теперь дихотомии *племя — нация* необходимо ещё определиться с первым её компонентом. Как утверждал Н.Н. Крадин, «…термин „племя“ используется в научной литературе в двух значениях: 1) как один из типов *этнических общностей* на ранних этапах исторического процесса; 2) как один из типов социальной организации первобытного общества» [19, с. 4]. С «апологией» в пользу значения племени в условиях современности выступил А.В. Коротаев: «Для определённых стадий *общей социальной эволюции племенную организацию* имеет смысл рассматривать как некую (хотя и достаточно ограниченную по эволюционному потенциалу) *альтернативу государству*… Племя является скорее „парагосударственной“, чем „догосударственной“ социальнопо-литической формой» [17, с. 85]. Учитывая другие характеристики племени (эндогамия и др.), следует актуализировать его определение как *этнической общности*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассматривая проблематику национализма, мы оказываемся в пространстве, которое включает и такие основополагающие понятия, как *идеология*, *нация*, *государство*, *этическая общность*. Более понятным в этом перечне представляется уровень осмысления идеологии как *системы идей*, укоренённой в *символической сфере мышления*. В более сложном положении мы оказываемся при попытках определиться с концептом *нация*, учитывая его смешение в российской традиции с категорией *этническая общность*, и неприятием последней в западных дискурсах по данной проблеме. Подобное положение недопустимо по той причине, что именно этническая общность, наряду с *ментально-символическими* свойствами (психоментальный комплекс, этническая психология), сохраняет связь с *определённой территорией* и конкретными людьми, т.е. с реальностью. Если мы обратимся к существующим представлениям о нации, то можно обнаружить не только их сопоставление с *осознанием*, *мифом*, *понятиями* и *идеями*, которые не *овеществляются* (разве что только в чувствах и сознании индивидов), но и привязку к не менее символической *национальной идентичности* [28, 43]. Серьёзные философы уже отметили, что «…идентичность представляет собой сложное *социальное* и *антропологическое* явление, которое может быть и *реальным*, и *символическим*, зависящим от динамики соотношения *индивида* и *среды*. Поэтому личность объединяет в себе *индивидуальное* и *социально привнесённое*, что делает её *персоной*» [12, 13].

При внимательном рассмотрении «реальных» (материальных) составляющих *нации* и соответствующей ей *идентичности*, той же территории, населения и т.д., оказывается, что эта *реальность* является принадлежностью совершенно другого явления — **государства**, как это отмечали И. Валлерстайн, Д.М. Бондаренко и другие авторы. Государство как институция для сохранения *стабильности* в условиях религиозных, классовых и других *противоречий* не может существовать только на основе своего *легитимизированного насилия*, гораздо важнее для его правящей верхушки убедить своё население в *правомерности* существующего порядка. Мировые религии, а затем идеологические средства, включая концепт *нация*, способствовали на *символическом уровне* решению таких задач. Когда же приоритетное значение получили

другие интересы, тогда началось продвижение *глобализационной повестки*, сопровождаемой декларацией об утрате национальным государством своего значения, о прозрачности национальных границ. В такой атмосфере и канадский философ У. Кимлика пришёл к выводу, что «наша цель должна заключаться в *разрушении* связи между *нацией* и *государством*, чтобы развенчать идею, согласно которой только независимое государство может быть *лучшей формой* национального самоуправления» [42, p. 132]. Также он зафиксировал важное *переосмысление* в трактовке национализма — как стремление властей убедить остальных в том, что *нация* уже существует там, где её на самом деле ещё *нет*. В то же время пандемия COVID-19, признания в свёртывании глобализации, украинский кризис и начало специальной военной операции показали, что вопреки заявлениям об *утрате государством* своей роли, оно остаётся важнейшим фактором общественно-политической организации населения и основным актором международных отношений.

Таким образом, следует учитывать, что два явления — *государство* и *этническая общность* — отличаются сложной реально-символической организацией. За концептом *нация*, с одной стороны, стоят *противоречивые общественно-политические* и *этнические реалии* европейских централизованных *государств*, а с другой — *интересы* их правящего класса, направленные на поддержание *иллюзии единства* своего населения. В других странах, где государство ещё не смогло сформировать достаточно единые стандарты и соответствующее информационно-смысловое пространство для *полиэтничного* по составу населения, этот концепт не обеспечивает необходимого интегративного эффекта. В любом случае, *концепт «нация»* — это *инструмент государства* для воздействия в отношении своего *населения*, в том числе организованного ещё и в этнические общности. Поэтому в таких случаях приходится проявить творчество, в результате чего появляются термины *нация, состоящая из других наций* (Россия, Китай) или *государство-цивилизация* (Индия). Но эти особенности ещё не являются основанием для *критики* несоответствия *критериям государства*-нации. В силу *символической природы* концепта *«нация»*, очень опосредованно отражающего *реальную действительность*, производный от неё концепт *национализм* как *образ мыслей* и *политическое воображение*, не относящиеся к определённым общностям, полностью отвечает критериям идеологии. По этой причине к нему надо относиться соответствующим образом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Т.А. Идеологии как политическое воображаемое // Россия: история, политика. К 80-летию И.К. Пантина. М.: Идея-пресс, 2010. С. 19—50.
2. Алексеева Т.А. Роль идеологии в современном мире // Международные отношения: грани настоящего и будущего. М.: РСМД, 2023. С. 294—309.
3. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Пер. с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос, 2004. 285 с.
4. Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирнополитическая экономия / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. 464 с.
5. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ЯСК, 2022. 400 с.
6. Брубейкер Р. Именем нации // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 110—130.
7. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 62—109.
8. Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. С. 83—102.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 245 с.
10. Геллнер Э. Нация и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
12. Гуревич П.С. Идентичность взыскующая и многоликая // Философия и культура. 2015. № 7 (91). С. 957—961.
13. Гуревич П.С., Спирова Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+; Реабилитация, 2015. 368 с.
14. Карцев Е.А. Французский неоконсерватизм: либеральная стратегия для XXI века. Социокультурная программа, концепция и стратегические направления Клуба «Орлож». М.: ТЕИС, 2008. 452 с.
15. Кон Г. Идея национализма // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 27—61.
16. Конован М. Меч веры и щит страха. Либерализм и сила нации // Логос. 2007. № 1 (58). С. 84—102.
17. Коротаев А.В. «Апология трайбализма»: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 68—86.
18. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 139 с.
19. Крадин Н.Н. Понятие «племя» в современной антропологии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2 (18). С. 4—12.
20. Куренной В. Политический и аполитический национализм // Логос. 2007. № 1 (58). С. 138—154.
21. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Университет, 2005. 320 с.
22. Малахов В.С. Понаехали тут… Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 197 с.

23. Миллер А.И. Дебаты о нации в современной России // Политическая наука. 2008. № 1. С. 7—30.
24. Мифы и заблуждения в изучении национализма. М.: Новое издательство, 2010. 426 с.

31. Furs V.A. Spetsifika strukturalistskogo podkhoda k fenomenu ideologii [The Peculiarity of the Structural Approach to the Phenomenon of Ideology]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, series "Politologiya. Religiovedenie", 2017, vol. 21, pp. 27—33. (In Russ.)
32. Chekrizova O.S. Dikhotomiya «obezdolennye — vysokomernye» v shiitskom vospriyatii mezhdunarodnykh otnosheniy [The Dichotomy "Destitute — Arrogant" in Shiite Perception of International Relations]. *Vestnik RUDN*, series „Mezhduarodnye otnosheniya", 2017, iss. 17, no. 2, pp. 279—289. (In Russ.)
33. Shinkovskaya N.V. *Politicheskie ideologii v istorii Rossii* [Political Ideologies in the Russian History]. Vladivostok, Izdatel'stvo VGUES Publ., 2006, 102 p. (In Russ.)
34. Shirokogorov S.M. Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavleniy [Ethnos. The Study of Basic Principles of Ethnic and Ethnographic Phenomena]. *Etnograficheskie issledovaniya. Kniga vtoraya. Etnos* [Ethnographic Studies. Book 2. Ethnos]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta Publ., 2002, 146 p. (In Russ.)
35. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York, Verso Publ., 1983, 224 p. (In Eng.)
36. Banks M. Performing Neo-Nationalism: Some Methodological Notes. *Neo-Nationalism in Europe and Beyond.* Ed. by A. Gingrich, M. Banks. New York, Oxford, Berghahn Books Publ., 2006, pp. 50—68. (In Eng.)
37. Banks M., Gingrich A. Neo-nationalism in Europe and Beyond. *Neo-Nationalism in Europe and Beyond.* Ed. by A. Gingrich, M. Banks. New York, Oxford, Berghahn Books Publ., 2006, pp. 1—28. (In Eng.)
38. Canovan M. *Nationhood and Political Theory*. Cheltenham, Northhampton, 1999, 155 p. (In Eng.)
39. Gries P.H. *China's New Nationalism. Pride, politics and diplomacy*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press Publ., 2005, 203 p. (In Eng.)
40. Hughes C.R. *Chinese Nationalism in the Global Era*. London, New York, Routledge Publ., 2006, 175 p. (In Eng.)
41. James P. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. London, Sage Publ., 2006, 343 p. (In Eng.)
42. Kymlicka W. *Finding Our Way: Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. London, New York, Oxford University Press Publ., 1998, 220 p. (In Eng.)
43. Neuberger B. National Self-Determination: A Theoretical Discussion. *Nationalities Papers*, 2001, vol. 29, no. 1, pp. 391—418. (In Eng.)
44. Prichard A. The 'Isms' are Evil. All Hail to 'Isms'. *International Relations Theory*. S. McGlinchey, R. Walters. C. Scheinpflug (eds.). Bristol, 2017. Available at: https://www.e-ir.info/publications/ (accessed 18.03.2019). (In Eng.)
45. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London, Kegan Paul Publ., 1935, 472 p. (In Eng.)
46. *The Routledge Handbook of Ideology and International Relations*. Ed. by J.L. Maynard, M.L. Haas. London, New York, 2023, 448 p. (In Eng.)
47. Urry J. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London, New York, Routledge Publ., 2000, 231 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 05.03.2024